

JEL classification: N34, P26, Q12
УДК 94(571.61)
DOI 10.17150/2308-2488.2026.27(3).405-434

А.А. Гринько

*Дальневосточный государственный аграрный университет,
г. Благовещенск, Российская Федерация*

Социально-экономические реалии повседневности амурской деревни эпохи «позднего» социализма (1970-е — сер. 1980-х гг.)

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-экономических реалий повседневной жизнедеятельности сельского населения Амурской области РСФСР в период «позднего» социализма через призму феномена «двойного сознания». На основе широкого спектра источников, включающего статистические материалы, письма и обращения сельчан, анализа семейных бюджетов, жилищных условий и бытового уклада, реконструируется картина сельской повседневности, характеризовавшаяся разрывом между официальной идеологической моделью советского человека и реальной жизнью в условиях товарного дефицита, тяжелого физического труда, неразвитости социально-бытовой инфраструктуры и сферы досуга. Характеризуются основные составляющие сельской действительности: двойственная роль личного подсобного хозяйства как источника выживания и скрытого предпринимательства; существование неформальных институтов «блата» и «теневой» экономики; развитие бытового изобретательства как реакции на дефицит; трансформация семейного, гендерного и досугового поведения под влиянием «урбанизации» сознания местных жителей. Делается вывод о том, что совокупность повседневных моделей поведения амурского сельчанина представляла собой не только пассивное приспособление к реалиям жизни, но и форму активного, хотя и не осознаваемого, сопротивления, которое вело к деформации официальной идеологии, росту социального цинизма и индивидуализации, подрывая основы советской системы изнутри.

Ключевые слова. «Поздний» социализм, советская деревня, Амурская область, повседневность, дефицит, личное подсобное хозяйство.

Информация о статье. Дата апреля 17 апреля 2026 г.; дата принятия к печати 7 июня 2026 г.; дата онлайн-размещения 31 августа 2026 г.

A.A. Grinko

*Far Eastern State Agrarian University,
Blagoveshchensk, the Russian Federation*

Socio-Economic Realities of Everyday Life in the Rural Areas of the Amur Region During the Era of “Late” Socialism (the 1970s — Mid-1980s)

Abstract. This article examines the socio-economic realities of everyday life among the rural population of the Amur Region of the Russian Soviet Federative Socialist Republic during the period of “late” socialism through the lens of the phenomenon of “double consciousness.” Drawing upon a broad range of sources, including statistical data, letters and petitions from rural residents, analyses of household budgets, housing conditions, and everyday practices, the study reconstructs the lived experience of rural communities. This experience was characterized by a pronounced discrepancy between the official ideological model of the Soviet citizen and the realities of life under conditions of chronic commodity shortages, arduous physical labor, underdeveloped social and domestic infrastructure, and limited leisure opportunities. The article identifies the principal components of rural everyday life, including the dual role of private household farming as both a means of subsistence and a form of concealed entrepreneurship; the functioning of informal institutions such as *blat* (networks of personal connections and favors) and the shadow economy; the development of household ingenuity as a response to shortages; and the transformation of family relations, gender roles, and leisure practices under the influence of the “urbanization” of local residents’ consciousness. The study concludes that the aggregate of everyday behavioral strategies adopted by rural inhabitants of the Amur Region represented not

merely passive adaptation to prevailing socio-economic conditions but also a form of active, albeit largely unconscious, resistance. This resistance contributed to the erosion of official ideology, the growth of social cynicism and individualization, and ultimately undermined the foundations of the Soviet system from within.

Keywords. Late socialism, Soviet countryside, Amur Region, everyday life, shortages, private household farming.

Article info. Received April 17, 2026; accepted June 7, 2026; available online August 31, 2026.

Актуализация отечественного исследовательского интереса к повседневной жизни позволила начать рассмотрение истории советского общества, сместив фокус с макропроцессов на локальные реалии, личный опыт и особенности поведения рядовых граждан. Этот подход эффективен и при изучении эпохи «позднего» социализма (1970-е — середина 1980-х гг.), внешняя стабильность которой скрывала нарастающий кризис, проявлявшийся, в том числе, и в сфере повседневной жизни советского народа. В этом контексте дальневосточный регион занимал особое значение. Его периферийный статус и сложные природно-климатические условия, особое внимание власти и высокая миграционная подвижность населения, кадровый дефицит и другие местные особенности накладывались на общесоюзные проблемы и обостряли их. Наиболее показательно это проявлялось в среде сельского населения Амурской области.

Целью статьи является анализ социально-экономических реалий повседневной жизнедеятельности сельского населения Амурской области через призму «двойного сознания» в условиях «позднего» социализма. Данный локальный исторический анализ позволяет восполнить пробел в понимании глубинных механизмов кризиса советского общества. Под «двойным сознанием» мы понимаем не только когнитивный диссонанс, но и сложный социокультурный ме-

ханизм, позволявший человеку существовать в двух параллельных, нередко взаимоисключающих реальностях: государственно-идеологической, регламентированной нормами и образцами поведения, и индивидуально-прагматической, основанной на логике личной и семейной выгоды, неформальных связях и собственной системе ценностей.

Источниковую базу статьи составляют архивные материалы, статистические сборники, письма и обращения сельских жителей в региональные партийные и советские органы власти, а также местные средства массовой информации, данные бюджетных обследований семей колхозников и рабочих совхозов, научные статьи, монографии и коллективные труды советского и постсоветского периода.

В историографическом плане статья развивает идеи, заложенные в трудах по социально-экономической истории советской деревни и специфике Дальнего Востока. На советском этапе (1970-е — начало 1990-х гг.) доминировал формационный подход, а научные изыскания отличались идеологизированностью. Сельчане воспринимались преимущественно как трудовой ресурс для аграрной сферы, а собственно повседневная жизнь находилась на периферии исследовательского интереса. Тем не менее, именно в этот период под эгидой Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР начало складываться научное направление по изучению социальной истории региона. В ряде коллективных трудов предпринимались попытки проанализировать особенности жизни сельчан, хотя выводы ученых зачастую подстраивались под официальную позицию власти [1; 2]. Во второй половине 1980-х годов, на фоне «перестройки», в работах экономистов и социологов начинает проявляться критический взгляд. Исследователи (Л.Л. Рыбаковский, Л.В. Макарова, А.С. Ревайкин и др.) фиксировали отставание уровня жизни дальневосточников, проблемы

старения сельского населения и оттока кадров, связывая их с неразвитостью социальной сферы [3–5]. Нельзя не отметить фундаментальный характер и общегосударственное теоретико-методологическое значение исследований представителей сибирской научной школы, в том числе, академика Т.И. Заславской. Они дали глубокий анализ процессам, происходившим в сельской местности Сибири во второй половине XX в., и комплексно рассматривали функционирование аграрной сферы, социальные проблемы и уровень жизни сельчан [6; 7]. Итогом советского этапа стала фундаментальная монография «Крестьянство Дальнего Востока СССР в XIX–XX вв.: очерки истории» [8].

Постсоветский этап (1990–2000-е гг.) ознаменовался отказом от идеологических штампов и утверждением новых концептуальных подходов, в частности, теории модернизации. В работах В.Е. Борчаниновой, С.А. Власова, А.С. Ващук был осуществлен переход к деидеологизированному анализу социальной структуры, материального благосостояния и уровня жизни дальневосточников [9–11]. А.С. Ващук обосновала тезис о том, что технократический подход государства обеспечил рост денежных доходов, но не решил проблему дефицита и не привел к качественному улучшению условий жизни на селе, а разрыв в уровне жизни города и деревни сохранялся.

На современном этапе (с 2000-х гг.) дальневосточная историография обогатилась исследованиями, непосредственно затрагивающими вопросы, близкие к теме сельской повседневности и «двойного сознания». Е.В. Корякина, анализируя социальное развитие села в годы «перестройки», пришла к выводу, что условия жизни сельского населения менялись быстрее, чем на них могла реагировать государственная система, что порождало устойчивую установку на временность проживания [12]. Л.А. Крушанова и С.А. Пискунов изучали миграционные процессы и политику переселения,

отмечая, что льготы и меры поддержки не компенсировали непрестижность аграрного труда, высокую интенсивность работы и неразвитость инфраструктуры, что вело к высокой текучести кадров и перемещению сельчан в города [13; 14]. Обобщенный материал, в том числе накопленный в предшествующие годы исследователями сельской местности и аграрной сферы, с учетом новейших подходов был проанализирован в коллективной монографии, подготовленной Институтом истории, археологии и этнографии ДВО РАН [15].

Автор настоящей статьи рассматривал материальное положение, повседневную жизнь сельской семьи и специфику отражения советской действительности в письмах сельчан, отмечая диссонанс между постоянно возрастающими потребностями и наличием ограниченных возможностей для их удовлетворения [16]. Это определяло негативное отношение к сельской жизни и стимулировало миграцию. Таким образом, к настоящему времени в историографии сложилась основа для изучения реалий повседневной жизнедеятельности через призму феномена «двойного сознания», однако целостный анализ повседневности амурских (и в целом — дальневосточных) сельчан под этим углом зрения еще не проводился, что определяет научную новизну настоящей статьи.

Появление и развитие так называемого «двойного сознания» было обусловлено наличием все более увеличивающегося разрыва между официальным образом советского сельского жителя, транслируемым пропагандой, и реальными условиями его существования. Партийно-государственная идеология представляла сельчанина в виде коллективиста-труженика, беззаветно преданного делу партии, ставящего общественные (партийные, государственные) интересы выше личных, скромного в быту, отвергающего «вещизм» и уверенного в поступательном движении к коммунизму через социализм.

Реальность нередко опровергала этот идеальный конструкт эпохи. Так, несмотря на декларируемые масштабы жилищного строительства, его качество в Приамурье оставалось низким. Политика государства по урбанизации села вступала в прямое противоречие с потребностями сельчан: многоквартирные дома, возводимые по городским типовым проектам и обеспеченные коммунальными удобствами, были малоприспособлены для сельского уклада, поскольку зачастую были лишены приусадебных участков и надворных построек. Это вызывало отторжение, так как лишало возможности заниматься личным хозяйством и обеспечивать себя продуктами, которых не хватало в магазинах. Новоселы выходили из ситуации разными способами. Цитируем письмо в газету: «В Тамбовке построили новый микрорайон многоэтажных домов. Но территория вокруг представляет собой безрадостную картину — ни скверов, ни клумб, ни беседок. Вместо них предприимчивые жильцы настроили разномастные гаражи и сарайчики, теплицы и свинарники»¹.

Новостройки сдавались с грубыми нарушениями. Местные жители отмечали: «доски полов обструганы скверно... стены заплесневели, крыша протекает»². В домах с центральным отоплением температура зимой нередко едва достигала 8–10°C³. Региональная пресса сообщала: «в Белогорском районе Амурской области строители сдали 27-квартирный дом в совхозе “Комсомольский” с таким низким качеством, что до сих пор от его жильцов идут жалобы»⁴. В селе Волково, которое застраивалось как показательное, была аналогичная ситуация: новые дома сдавались с «массой

¹ Амурская правда. 1985. 28 мая.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 591. Оп. 1. Д. 243. Л. 23, 28; Ф. 17. Оп. 153. Д. 1090. Л. 4.

³ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 243. Л. 17; Амурская правда. 1985. 18 мая.

⁴ Амурская правда. 1981. 16 апр.

недоделок», бездействующими водопроводом и канализацией, «внушительными щелями в разошедшихся полах», что вынуждало новоселов брать отпуска для устранения проблем. «Новоселы сравнивают эти дома с айсбергами»⁵.

Повсеместно происходили задержки в строительстве, срывы и неоднократные переносы срока сдачи домов. А. Донга, председатель колхоза «Приамурье», отмечал: «Добрые люди просят на работу в колхоз, а жилья нет. Собственными силами мы строим в год до 20 домов — этого мало. Главная же подрядная организация, «Амурколхозстрой», строительство жилья в колхозе ведет очень медленно. Начиная с 1977 года назначен уже 4-й срок ввода в строй 78-квартирного дома. А делу конца не видно»⁶.

К середине 1980-х гг. значительная часть сельского жилья в Дальневосточном регионе оставалась неблагоустроенной, без водопровода и канализации, отставая по этим показателям от средних по РСФСР [8, с. 348–349; 17, с. 166]⁷.

Реальная ситуация в бытовой сфере также была далека от декларируемой властью. Уровень потребления бытовых услуг на селе составлял лишь 50 % от рациональных норм. По таким ключевым позициям, как услуги парикмахерских, ремонт обуви и химчистка, сельчане получали их в 3–5 раз реже горожан, что наглядно демонстрировало неспособность государства выполнить перманентно декларируемую задачу сближения города и деревни [17, с. 117]⁸. Жители

⁵ Амурская правда. 1985. 18 мая.

⁶ Там же. 1981. 24 июня.

⁷ Сибирь и Дальний Восток: социальное развитие. М. : Госкомстат РСФСР, 1990. С. 82, 86.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 374. Оп. 39. Д. 932. Л. 187; Государственный архив Амурской области (ГАО). Ф. 480. Оп. 15. Д. 162. Л. 7; Бытовое обслуживание населения Амурской области за 1965–1975 гг. Благовещенск : Статуправление, 1976. С. 12.

села Привольное так описывали типичную ситуацию с бытовым обслуживанием: «Каждый выездной день мастера в село объявляется... Мы верим, тащим свои ящики... Но уже не первый раз длительное ожидание ни к чему не приводит — мастер не является»⁹.

Товарный дефицит был самым ощутимым проявлением разрыва между официальными обещаниями и реальностью. Сельская торговая сеть была недостаточно развитой и снабжалась необходимыми товарами нерегулярно. В отдаленных амурских селах зачастую отсутствовали не только промтовары, но и продукты первой необходимости. Недостаток, полное отсутствие или низкое качество имеющихся товаров вызывали естественное недовольство: «У нас абсолютно ничего нет. И какое будет настроение здесь жить, если в магазин когда-либо подкинут рыбу или колбасу, то люди даже на работу не идут, стоят в очереди и ругаются, если кому не хватит, готовы убить друг друга», «продукты в магазине не продают, считают, что в селе все должно быть свое»¹⁰. Доярка Е. Бабина из совхоза «Мирный» отмечала: «Думается, что работники фермы вправе требовать к себе большего внимания. Очень редко приезжает на ферму автолавка райпо. К тому же ассортимент товаров в ней бедный»¹¹.

Аграрии жаловались в газеты и местные партийно-советские органы на то, что «невозможно купить многие предметы хозяйственного обихода, электроутюги, электроплитки, ... многое можно увидеть только во сне, ... чтобы купить хоть что-то надо простоять в очереди час-полтора и больше»¹². Появление в продаже качественной одежды и обуви, строима-

⁹ Амурская правда. 1985. 7 февр.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 90. Л. 69; Ф. 17. Оп. 153. Д. 1090. Л. 23.

¹¹ Амурская правда. 1981. 5 февр.

¹² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 90. Л. 62; Ф. 17. Оп. 153. Д. 36. Л. 11; Ф. 17. Оп. 145. Д. 923. Л. 36.

териалов, бытовой техники или расширение их ассортимента порождало очереди. Товары «буквально сметались»¹³.

Региональные промышленные предприятия не имели возможностей и заинтересованности полноценно удовлетворять спрос населения. Централизованные фонды потребления направлялись преимущественно в города, оставляя сельскую местность снабжаться по остаточному принципу. Газета «Амурская правда» писала: «на прилавки магазинов поступает много товаров низкого качества. Некоторыми предприятиями продолжается выпуск товаров, которые не находят сбыта. Швейная продукция, мебель и другие предметы массового спроса теряют вид из-за плохой отделки и упаковки, недостает хорошей фурнитуры, красивых пуговиц, тесьмы, витого шнура. Одежда, доставляемая в магазины, мнется. Ежегодно Росхозторгом предлагается для освоения свыше 200 различных видов товаров, в которых население области испытывает острую потребность. А осваивается из них только 30. Вероятно, главная причина в том, что предприятия видят в товарах массового спроса обман, не оправдывающую затраченных усилий»¹⁴. «Вновь и вновь приходится говорить о несоответствии многих товаров покупательскому спросу, их низком техническом уровне. Руководители предприятий не стремятся опередить спрос и предлагать рынку свои хорошие изделия»¹⁵. Перечень дефицитных товаров ежегодно расширялся, а длительность ожидания их приобретения могла достигать нескольких лет.

В дальневосточной аграрной сфере средняя зарплата ежегодно увеличивалась (с 155,5 руб. в 1970 г.

¹³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 84. Д. 368. Л. 26; ГААО. Ф. 480. Оп. 12. Д. 142. Л. 4, 23, 31.

¹⁴ Амурская правда. 1985. 11 янв.

¹⁵ Там же. 1985. 23 мая.

до 285,1 руб. в 1985 г.), однако ее относительное преимущество перед средней по РСФСР сокращалось; она нивелировалась более высокими ценами и необходимостью дорогостоящих покупок у частников (нередко спекулянтов). Средние зарплаты в аграрной сфере были ниже, чем в промышленности региона (227 и 242 руб. соответственно в 1985 г.)¹⁶. Уравнительный принцип оплаты, слабо связанный с реальными результатами труда, существенно снижал мотивацию.

Для аграрной сферы оставался характерным тяжелый, часто ручной, сезонный труд с ненормированным рабочим днем. Так, в дальневосточном животноводстве к началу 1980-х гг. было механизировано лишь 21,8 % работ, а доля использования тяжелого ручного труда на фермах достигала 62 % и более¹⁷. Наилучшей была ситуация в растениеводстве — более 50 % к 1985 г. [2, с. 76]. Однако по некоторым видам работ уровень механизации был невысоким. Механизаторы работали с нагрузкой, на треть превышающей среднереспубликанский уровень [18, с. 62]. Все это контрастировало с пропагандистским образом современного, механизированного сельского хозяйства и с более комфортным режимом труда у профессий, характерных для городской местности.

Именно в этой лакуне — между партийно-государственной риторикой «развитого» социализма и реалиями неустроенного, дефицитного быта, между пропагандой труда-подвига и его рутинной изнурительностью — развивалось «двойное сознание». Оно становилось необходимым атрибутом для ориентации в позднесоветской жизни, где официальные правила, нормы и образы были не всегда эффективны, своевременны и реальны, а повседневная

¹⁶ Женщины и мужчины в Амурской области : стат. сборник. Благовещенск : Амурский областной комитет госстатистики, 2000. С. 22.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 153. Д. 1089. Л. 29; Ф. 17. Оп. 153. Д. 1501. Л. 16.

жизнь требовала создания параллельных, не всегда легитимных с точки зрения советской системы, поведенческих механизмов и приемов выживания. Закономерной реакцией сельчан стал целый комплекс приспособленческих действий, которые, будучи вынужденными, сформировали специфическую экономическую, бытовую и духовную логику, отличавшуюся прагматизмом и во многом определявшую повседневную жизнь сельчан.

Существование личного подсобного хозяйства (далее – ЛПХ), сохранявшегося у 90 % амурских сельских семей, было одним из проявлений приспособленчества. ЛПХ в определенной степени компенсировало неэффективность государственной торговли в сельской местности, обеспечивая людей основными продуктами. Сложности с продовольствием способствовали частичной переориентации личного сектора с натурального на товарный характер, что свидетельствовало о сохранении рыночных тенденций в условиях централизованной экономики. У ряда семей ЛПХ выступало источником дополнительного, не всегда легального, дохода. Реализация излишков (особенно картофеля, мяса, молока) в местах официальной торговли или «своим» людям приносила семье в среднем 300 руб. дополнительного ежемесячного дохода, что было сопоставимо с полутора-двумя среднемесячными зарплатами¹⁸. Это была форма скрытого предпринимательства, прямо противоречившая идеологическому неприятию «частнособственнических инстинктов». Увеличение доходов от ЛПХ позволяло не только повысить свой финансовый достаток, но и получить дефицитные товары в обмен на собственную продукцию. Важно подчеркнуть, что само отношение к ЛПХ было неоднородным и отражало внутренний конфликт сознания советского человека.

¹⁸ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 719. Оп. 29. Д. 1197. Л. 5, 7.

Для пожилых людей подсобное хозяйство оставалось традиционным занятием и важным источником продуктов¹⁹. Тем не менее, многие из них постепенно сокращали его размеры или вовсе отказывались от ведения, поскольку основой их материального благополучия все больше становились пенсия и пособия. Молодежь и квалифицированные работники все чаще воспринимали работу в подворье как обременительную повинность. Они были готовы отказаться от ЛПХ при условии, что государственная торговля сможет обеспечить их достаточным ассортиментом продуктов питания. Этот запрос оставался неудовлетворенным, что усиливало их недовольство и миграционные настроения. Наблюдался постепенный отказ от содержания скота, особенно среди молодежи и пожилых людей. Растущие запросы молодежи и стремление к досугу приводили к тому, что интерес к ведению крупного ЛПХ у нее исчезал. Государство, осознавая важность ЛПХ для продовольственного снабжения населения, пыталось стимулировать его развитие. Так, председатель Амурского облисполкома В. Грек призывал руководителей хозяйств: «Необходимо добиться, чтобы все сельские жители выращивали в своем хозяйстве скот и птицу... организовать заключение договоров с жителями сел на выращивание и закупку скота и птицы»²⁰. Однако эти призывы часто оставались декларативными. В целом, роль личного сектора в жизни села снижалась. Его доля в доходах колхозной семьи за 1970-1985 гг. снизилась с 28 % до 18 %, а у рабочих совхозов — с 19 % до 12 %²¹. Тем не менее, в абсолютных цифрах ЛПХ приносило существенный доход. Например, у колхозных семей Приамурья

¹⁹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2631. Л. 7; ГААО. Ф. 480. Оп. 10. Д. 731. Л. 12, 18.

²⁰ Амурская правда. 1981. 24 марта.

²¹ ГААО. Ф. 480. Оп. 12. Д. 99. Л. 8, 14; Ф. 480. Оп. 10. Д. 1055. Л. 23, 52; Бюджеты семей колхозников Амурской области за 1985 г. Благовещенск : Статуправление, 1985. С. 22.

в расчете на одно хозяйство он составлял в среднем 1 050 руб. в год²².

Дефицит товаров и услуг, неэффективность контроля в сфере торговли и бытового обслуживания, породил целую систему неформальных (а нередко и незаконных) отношений по получению необходимого. Вербальным отражением этих отношений стало широко распространившееся слово «доставание». В разговорах, просьбах, письмах зачастую фигурировала не «покупка», а именно «доставание» товара²³. Этим подчеркивалось, что акт приобретения блага — сложная операция, требующая не столько денег, сколько наличия социального капитала, хитрости и наглости. Зачастую изделия, пользующиеся спросом, реализовывались «своим» людям по знакомству или за взятки. «Блат», то есть использование личных связей для получения доступа к дефициту, был повседневным явлением. «Нужными» людьми были не только руководители, но и продавцы, завхозы, водители. В сельской торговой сфере постоянно происходили обманы покупателей, завышение розничных цен, растраты и хищения²⁴. В газетах рассматриваемого периода систематически встречались жалобы сельчан на «торговлю из-под прилавка». Так, в Тамбовском районе в день ярмарки было объявлено, что будут продаваться различные промтовары, но жители ничего, кроме детского трикотажа, не увидели. Впереди зима и многие животноводы желали приобрести меховые куртки, но в продаже их не оказалось, хотя их накануне привезли в магазин. Выяснилось, что меховые куртки, предназначенные для продажи, продавцы взяли себе²⁵.

²² ГААО. Ф. 480. Оп. 10. Д. 737. Л. 22; Ф. 480. Оп. 15. Д. 441. Л. 3, 8; Бюджеты семей колхозников Амурской области за 1985 г. Благовещенск, 1985. С. 2-4.

²³ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 86. Л. 68; Ф. 591. Оп. 1. Д. 243. Л. 18.

²⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 139. Д. 978. Л. 32; Ф. 17. Оп. 153. Д. 1086. Л. 44; Ф. 17. Оп. 150. Д. 43. Л. 30.

²⁵ Амурская правда. 1981. 11 сент.

Следствием дефицита было распространение частной торговли и услуг, а также спекуляция. Предприимчивые сельчане или горожане («частники») покупали в городах одежду, обувь, бытовую технику, рыбу, фрукты, кондитерскую продукцию и перепродавали в селах с наценкой. Это был рискованный, но высокодоходный бизнес, который, несмотря на уголовное преследование, пользовался молчаливым одобрением односельчан, так как позволял в определенной степени преодолевать дефицитность жизни. Спекуляция приобрела серьезные масштабы, о чем свидетельствует уголовное дело о подпольной мастерской в Приамурье, чья прибыль от перепродажи обуви на колхозном рынке за несколько месяцев составила 9 тыс. руб.²⁶ Автовладелец Э. Александров жаловался в газету: «На станции техобслуживания нет запчастей. А у дяди Пети за большие деньги есть. Почему так?»²⁷.

Феномен дефицита порождал специфическую иерархию доступа к благам, где лояльность официальной системе нередко уступала место лояльности личным связям.

Явлением в период «позднего» социализма была очередь. Хотя очереди в сельской местности были менее распространенным явлением, чем в городе, они все же вносили напряженность в отношения между людьми. Наибольшее недовольство вызывало приоритетное распределение товаров среди ограниченного круга лиц — руководящего состава, специалистов и механизаторов²⁸. В условиях дефицита граница между «простым» и «привилегированным» человеком чувствовалась особо остро. Отсюда — неуважение, а порой и плохо скрываемая ненависть к ним. Нередко люди испытывали враждебное отношение к льготным категориям, которым было разрешено получать

²⁶ Амурская правда. 1981. 13 мая.

²⁷ Там же. 1985. 25 июня.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 243. Л. 17-18.

то или иное благо вне очереди. Очередь становилась местом, где формировались цинизм и социальное напряжение, а наличие «льготника» (или представителя «элиты») в семье расценивалось как обладание инструментом получения дефицита.

В условиях нехватки промышленных товаров среди сельчан распространилась специфическая культура бытового изобретательства. Принципы «ничего не выбрасывай» и «сделай сам» были закономерной реакцией на повседневную действительность. Старые вещи проходили несколько циклов использования. Кустарное производство и самостоятельный ремонт стали массовым явлением. Женщины шили одежду, мужчины ремонтировали технику, из подручных материалов изготавливали мебель и игрушки. Данная многогранная деятельность выступала не только реакцией на дефицит и была в целом присуща сельской ментальности, но и являлась своеобразным актом творческого сопротивления безликой и не всегда качественной стандартизированной промышленной продукции, способом сохранить индивидуальность и функциональность сельского быта.

Вышеназванные практики приспособления к реалиям «позднего» социализма, от сохранения ЛПХ до «ремонтной» культуры, формировали уровень неофициальной, параллельной экономики, которая дополняла, а и иногда и фактически подменяла собой недостаточно эффективные государственные институты производства и распределения благ. Эти практики были воплощением «двойного сознания» сельчан: публично признавая социалистическую систему, в личной, повседневной жизни люди действовали по законам мелкотоварного хозяйствования.

Реалии эпохи приводили к сдвигам в социальной структуре, семейных отношениях, ценностных ориентациях и досуговых моделях, что в совокупности вело к постепенному размыванию основ официальной идеологии.

Одной из основ этих сдвигов стали изменения в самой структуре сельскохозяйственного труда. Доля работников, занятых механизированным трудом (механизаторы, шоферы, операторы машинного доения), за рассматриваемый период выросла с 20 % до 46 % [9, с. 68]. Их труд по своему характеру, интенсивности и квалификационным требованиям сближался с индустриальным, что неизбежно вело к формированию иных, «городских» стандартов жизни и потребления. Эти люди острее других ощущали несправедливость и даже ущербность своего положения — тяжелый труд при неразвитых социально-бытовой, торговой и культурной сферах.

«Урбанизация» сознания, экономическая эмансипация женщин и прагматизация жизненных целей привели к трансформации традиционной семьи. В рассматриваемый период все больше проявлялся, так называемый, «кризис маскулинности». Мужчина переставал быть единственным главой и кормильцем семьи. Рост трудовой занятости, финансового достатка и социального статуса женщин снижал их патриархальную зависимость. Массовое вовлечение женщин в общественное производство дало им определенную экономическую независимость. Рост образовательного уровня женщин способствовал снижению их терпимости к негативным аспектам семейной жизни, которые предыдущее поколение воспринимало как неизбежные. Происходила эрозия института брака и семьи, традиционных жизненных устоев. Это выражалось в росте числа разводов (в Приамурье с 111 на 1000 браков в 1970 г. до 272 к середине 1980-х гг.), причем чаще инициатором этого выступали женщины²⁹. Распространялись неформальные сожительства, воспринимавшиеся как более удобная и свободная форма отношений.

²⁹ Социально-демографические аспекты гендерного различия в Амурской области. Благовещенск : Амурский областной комитет госстатистики, 2000. С. 16.

Сознательная бездетность или малодетность переставали быть предметом общественного осуждения, отражая прагматичный расчет молодых людей и нежелание обременять себя. Дети из помощников в хозяйстве все больше превращались в иждивенцев, что вело к сокращению размера семьи. Доля нуклеарных семей (родители с 1–2 детьми) превысила 70 %, а средний размер сельской семьи сократился с 3,7 до 3,2 человека³⁰. Росло и число внебрачных детей: в 1985 году 15,9 % (в 1980 г. — 12 %) детей в Амурской области рождалось вне официально зарегистрированного брака³¹. Количество одиноких сельчан за 15 лет выросло с 30 до 60 на тысячу человек, в основном за счет женщин³². Таковы были проявления восприятия сельчанами городской модели поведения. Следует подчеркнуть, что в амурском селе (в отличие от города), продолжала господствовать традиционная семья и ориентация на рождение нескольких детей, однако эта тенденция постепенно нивелировалась и к середине 1980-х гг. негативные последствия фиксировались достаточно явно.

Социальная жизнь в сельской местности протекала в двух плоскостях. Во-первых, в рамках системы сельских клубов и домов культуры. Данная система работала сравнительно эффективно только в крупных населенных пунктах. В небольших и отдаленных селах реальность была иной. Цитируем выдержку из газетной статьи: «У многих работников культуры на селе не хватает чувства ответственности за порученное дело. В Серышевском районе в клубах и Домах культуры редко проводятся массовые мероприятия. В зимнее время из-за выхода из строя отопительных систем бездействовали клубы в селах Рождественка, Белоногово, Украина, Добрянка. Неудовлетвори-

³⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2631. Л. 4.

³¹ Амурский статистический ежегодник. 2007. Благовещенск : Амурский областной комитет госстатистики, 2008. С. 47.

³² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 56. Д. 2736. Л. 3; ГААО. Ф. 480. Оп. 10. Д. 731. Л. 6, 56.

тельно работает отдел культуры Константиновского райисполкома. Жалобы на плохую работу клубов поступают из ряда сел Мазановского, Белогорского, Бурейского, Благовещенского районов»³³. Секретарь комсомольской организации школы села Болдыревка Ю. Добровольский прямо говорил, что «на селе скучно»³⁴. Во-вторых, существовали неформальные коммуникативные центры и своеобразные общественные пространства. Колодец, лавочка у дома, беседка, танцплощадка — здесь происходил обмен новостями, обсуждение проблем, настольные игры, знакомства. Эти места аккумулировали альтернативную, горизонтальную общность сельчан, основанную на соседских связях. Во многом сельская повседневность оставалась консервативнее городской и «модернизировалась» значительно медленнее.

На селе продолжало оставаться популярным радио. Для деревни оно являлось одним из немногих каналов получения официальных новостей и приобщения к культурной жизни страны. Распространяется телевидение, имевшее серьезное значение для приобщения сельчан к современной «цивилизованной» жизни. Обращая внимание на городскую среду, инфраструктуру, моду, возможности, деревенские жители проводили сравнение со своей жизнью, делая соответствующие выводы. Сохраняло свою значимость чтение (в первую очередь, газет и журналов), особенно среди интеллигенции и квалифицированных специалистов. Эти «окна в город» способствовали изменению ценностных ориентиров сельчан. Они формировали «городские» стандарты потребления и досуга, усиливая недовольство скудостью сельской жизни. Продолжала сохраняться традиция чтения книг. Проникновение городских моделей поведения в сельскую среду проявлялось в распространении

³³ Амурская правда. 1981. 21 апр.

³⁴ Там же. 1981. 10 мая.

среди местного населения интереса к современной (в том числе, иностранной) музыке, мототехнике, фотоискусству. Вышеназванные интересы ограничивались товарным дефицитом. По-настоящему популярную литературу, фотохимию, грампластинки невозможно было приобрести в сельской местности, требовались поездки в город, длительное ожидание, наличие неофициальных возможностей и связей.

Своеобразной реакцией на окружающую действительность, ограниченность сельской жизни и отражением «двойного сознания» стало распространение девиантного поведения, проявлявшегося, в частности, в алкоголизме. Пьянство являлось не только реакцией на дефицит цивилизованного досуга, но и специфическим, деструктивным способом социализации, элементом мужского общения, способом ухода от реальности. Уровень алкоголизации на Дальнем Востоке вдвое превышал среднереспубликанский, а расходы на спиртное достигали 8 % бюджета сельской семьи³⁵. В 1970 г. амурская сельская семья тратила на покупку водки, вина, пива в среднем около 100 руб., а в 1985 г. 220 руб.³⁶. Кроме того, сельчане употребляли кустарные спиртосодержащие жидкости. Местные газеты регулярно публиковали письма сельчан с тревогой по этому поводу. Житель села Верхнебелое жаловался: «Торгует магазин бойко лишь водкой, ее у нас хоть залейся...»³⁷. В другом письме описывался трагический случай, напрямую связанный с алкоголем: супруги на 16-летию дочери усердно подливали вино подросткам, и вечер закончился тем, что один из них «в состоянии опьянения

³⁵ ГААО. Ф. 480. Оп. 12. Д. 142, Л. 41, 43; Ф. 480. Оп. 12. Д. 169. Л. 39; Ф. 480. Оп. 10. Д. 1410. Л. 1, 3; Ф. 480. Оп. 10. Д. 1055. Л. 1-2; Бюджеты семей колхозников (по материалам обследования семей колхозников в течение 1985 г.). Благовещенск : Статуправление, 1986. С. 7, 12.

³⁶ ГААО. Ф. 480. Оп. 15. Д. 441. Л. 31, 41.

³⁷ Амурская правда. 1985. 28 мая.

совершил тяжкое преступление»³⁸. Пьянство подрывало и трудовую дисциплину: «в колхозе “Родина” комбайнер во время уборки урожая пьянствовал и вывел из строя машину»³⁹.

Важным маркером изменения сознания и потребительского поведения стала структура семейных расходов сельчан. Доля затрат на питание в сельских семьях снизилась с 42 % в 1970 г. до 30,5 % в 1985 г., в то время как расходы на непродовольственные товары, напротив, выросли с 23,6 % до 33,9 %⁴⁰. Люди стремились приобретать одежду, мебель, бытовую технику, то есть ориентировались на «городской» стандарт потребления. Однако реализовать эти стремления в условиях дефицита было сложно. До 30 % средств на промтовары сельчане тратили в городах, до 10 % продуктов покупали у частных с переplatой в 1,5-2 раза⁴¹. Не имея возможности активно тратить заработанное, люди были вынуждены хранить деньги дома или в сберкассе. Средний вклад сельской семьи вырос с 550 руб. в начале 1970-х до 1 250 руб. к 1985 г.⁴² Эти «лежащие» на сберкнижках деньги стали символом несостоятельности государственной торговли и одновременно финансовой базой для возможной миграции.

Одним из следствий распространения феномена «двойного сознания» было «голосование ногами», то есть миграция. Перманентное недовольство материально-бытовыми условиями, скудостью культурной среды и отсутствием перспектив в совокупности с развитием «урбанизации» сознания, выливалось в отток части сельского населения в более благополучную местность. Наиболее активные и образованные

³⁸ Амурская правда. 1985. 28 мая.

³⁹ Там же. 1985. 13 февр.

⁴⁰ ГААО. Ф. 480. Оп. 10. Д. 1055. Л. 2; Бюджеты семей колхозников (по материалам обследования семей колхозников в течение 1985 г.). Благовещенск : Статуправление, 1986. С. 2, 4.

⁴¹ ГААО. Ф. 480. Оп. 12. Д. 115. Л. 1, 5.

⁴² Там же. Д. 169. Л. 18.

жители покидали село, хотя этот процесс в рассматриваемый период еще не приобрел катастрофический характер, но демонстрировал тревожные сигналы. Так, текучесть кадров механизаторов на Дальнем Востоке достигала 20 % против 12–13 % в среднем по РСФСР [9, с. 102]⁴³.

Причины этого крылись не только в низкой зарплате, но и в тяжелых, не нормированных условиях труда, плохой организации производства, отсутствии возможностей для самореализации и нормального досуга.

Плохие дороги и связь, проблемы с автобусным сообщением и многое другое дополняли негативное отношение к сельской местности. «Если раньше хоть раз в неделю могли дозвониться, то теперь вовсе не можем выйти на связь»⁴⁴. «Почта плохо работает, автобус из райцентра к нам не заходит. За справкой в райцентр или в поликлинику на перекладных приходится добираться»⁴⁵. «До райцентра 85 км, съездить в больницу – проблема, автобусов нет»⁴⁶.

Для молодежи и квалифицированных специалистов город представлялся не только местом с более высокой зарплатой, но и территорией «настоящей», цивилизованной жизни, поднимавшей социальный статус и способствовавшей полноценной личной реализации. Село же, напротив, все чаще ассоциировалось с понятием «деревенщина», приобретающим уничижительный оттенок.

Причины оттока были очевидны для региональных властей. Заведующий отделом по использованию трудовых ресурсов Приамурья А. Мамон прямо констатировал: «Данные статистических и социологических исследований показывают, что большая часть населения выбывает ... в связи с неудовлетворительно-

⁴³ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 1142. Л. 49.

⁴⁴ Амурская правда. 1981. 21 марта.

⁴⁵ Там же. 1985. 25 февр.

⁴⁶ Там же. 1985. 26 апр.

стью жилищных и культурно-бытовых условий»⁴⁷. Он же приводил тревожные цифры: в некоторых районах хозяйства укомплектованы механизаторами лишь на 45–50 %, причем более 70 % выбывающих уходят по собственному желанию, за которым «кроются недостатки в организации и оплате труда, невнимательное отношение руководителей к нуждам людей»⁴⁸.

Первый секретарь Амурского обкома ВЛКСМ А. Дурнев на слете молодежи в 1981 году признавал: «Ничего удивительного, что у части молодежи, оставшейся после школы в селе, энтузиазм пропадает и они уезжают. Им не уделили должного внимания, не создали условий»⁴⁹.

В письмах самих сельчан звучало то же самое: «Кадров на селе не хватает, а молодежь не задерживается в родных местах»; «до службы в армии год-два еще и тянут, а там — поминай как звали»⁵⁰.

В результате происходила негативная селекция: село покидали наиболее активные и образованные, а оставшееся население старело, в нем накапливался контингент апатичных, малоквалифицированных, склонных к вредным привычкам, людей, что закладывало основу для глубокого демографического и социального кризиса 1990-х гг.

Таким образом, анализ жизни амурского села 1970-х — середины 1980-х годов позволяет прийти к выводу о том, что реалии повседневности оказывали противоречивое влияние на местное население, породив феномен «двойного сознания». Он являлся не просто пассивным психическим состоянием местного населения, но активной технологией выживания и даже скрытого сопротивления тем или иным элементам партийно-государственной политики и идеоло-

⁴⁷ Амурская правда. 1976. 22 янв.

⁴⁸ Там же. 1976. 22 янв.

⁴⁹ Там же. 1981. 10 мая.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 153. Д. 1089. Л. 30.

гии. Данный феномен был порожден не только, так называемым «застоем», но и противоречием между декларируемыми идеологическими установками, и неспособностью государства выполнить свои же базовые социально-экономические обещания. Можно согласиться с мнением Г. Кнабе, который оценивал эпоху как «двухэтажное отражение» [19, с. 675]. На верхнем этаже проводились мероприятия официальной власти, а на нижнем формировалось разочарование к ним. Слабая материальная заинтересованность в качественном труде приводила к тунеядству, невозможность решить некоторые вопросы официальным путем — к развитию мздоимства, потеря веры в действительно скорое построение светлого будущего — к апатии и пьянству, наличие дефицита — к спекуляции. Сложившийся в советском обществе разрыв между официальной идеологией и повседневной реальностью привел к формированию двойственного сознания. Подобная противоречивость, порождая общую дестабилизацию, в конечном счете внесла свой вклад в разрушение социалистического государства.

Рассмотрение реалий повседневности — от личного подсобного хозяйства, являвшегося «очагом» теневой предпринимательской активности для части сельчан, до широко распространенной системы «блата», «доставания» и культуры бытового изобретательства — показывает, что местные жители имели своего рода параллельную социально-экономическую систему. Эта система функционировала по неофициальным законам прагматики, личной выгоды, родственных и соседских связей, фактически подменяя или дополняя недостаточно эффективные государственные институты распределения. В повседневной сельской жизни идеологические клише и ритуалы внешней лояльности власти подменялись здравым, нередко циничным смыслом и логикой.

Последствия «раздвоения» сознания сельчан destructively сказывались на функционировании всей

государственной системы и ее элементов. Происходила трансформация социальной структуры и ценностных ориентаций: кризис традиционной семьи, рост индивидуализма и социального цинизма, девальвация труда в сельскохозяйственном производстве. Формировалась установка на миграцию как единственный способ достижения приемлемого качества жизни, что приводило к негативной селекции сельского населения и перманентной кадровой проблеме в аграрном секторе. Нельзя не подчеркнуть, что в рассматриваемый период государство уделяло значительное внимание сельской местности Приамурья и всего Дальнего Востока. Развивалась социально-бытовая инфраструктура, строилось новое жилье, повышались зарплаты и пенсии, создавался общественный транспорт и дорожная сеть. Однако в целом развитие сел (особенно отдаленных и малых) отставало от развития города, что, в совокупности с «урбанизацией» сознания сельчан приводило к миграционному оттоку.

История повседневной жизни населения амурской деревни раскрывает один из ключевых механизмов кризиса позднего СССР. Разрушение государственной системы было вызвано не только макроэкономическими, политическими и идеологическими просчетами, но и множеством поведенческих актов повседневного «исхода» в социально-практическом смысле. Люди массово выходили из предписанных идеологических рамок и установок в пространство неофициальной жизни. «Двойное сознание» стало, своего рода, «ментальным мостом», который позволял жить в советской системе, внутренне от нее отстранившись в большей или меньшей степени. Существующие реалии породили комплекс социальных практик, которые постепенно подрывали ключевые устои позднесоветской системы: коллективизм, традиционную семью, идею о селе как перспективной среде. Установка на отъезд была отражением «двойного сознания» — разрывом личной жиз-

ненной стратегии с официально предписанной траекторией. Исследование жизнедеятельности сельчан через призму феномена «двойного сознания» на региональном материале подтверждает тезис о том, что крах государства и концепции советского социализма был во многом обусловлен их несостоятельностью в реальной повседневности к середине 1980-х гг.

Список использованной литературы

1. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв. / под ред. А.И. Крушанова. — Владивосток : Изд-во ДВУ, 1979. — 380 с.
2. Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни (советский период) / под ред. А.И. Крушанова. — Владивосток : Дальнаука, 1981. — 100 с. — EDN OFYNEI.
3. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет / Л.Л. Рыбаковский. — Москва : Наука, 1990. — 167 с.
4. Макарова Л.В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР / Л.В. Макарова, Г.Ф. Морозова, Н.В. Тарасова. — Москва : Наука, 1986. — 118 с.
5. Ревайкин А. С. Проблемы формирования постоянного населения и трудового потенциала на Дальнем Востоке / А.С. Ревайкин, Н.П. Кетова, К.Н. Пастухова // Социально-экономические проблемы дальневосточного села : сб. науч. тр. — Владивосток, 1987. — С. 7–12.
6. Социально-экономическое развитие сибирского села / В.А. Калмык, Р.В. Рывкина, Л.А. Хахулина [и др.] ; отв. ред. Т.И. Заславская, З.В. Куприянова. — Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1987. — 447 с.
7. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири, 1960–1980-е гг. / Н.Я. Гущин, В.А. Калмык, Е.Е. Горяченко [и др.] ; отв. ред. Н.Я. Гущин. — Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1991. — 489 с. — EDN TMBGXD.
8. Крестьянство Дальнего Востока СССР в XIX — XX вв.: очерки истории / под ред. А.И. Крушанова. — Владивосток : Дальнаука, 1991. — 422 с. — EDN WGQTBV.
9. Борчанинова В.Е. Социальная структура населения Дальнего Востока России (60–80-е гг. XX в.) / В.Е. Борчанинова. — Владивосток : Дальнаука, 1992. — 176 с. — EDN MEKFIM.
10. Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.) / С.А. Власов. — Владивосток : Дальнаука, 2008. — 204 с. — EDN UNOPHP.

11. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40–80-х годов XX века) / А.С. Ващук. — Владивосток : Дальнаука, 1998. — 211 с. — EDN YNEVRT.

12. Корякина Е.В. Социальное развитие села юга Дальнего Востока в годы перестройки (1985–1991 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е.В. Корякина. — Хабаровск, 2009. — 213 с. — EDN QEGHVF.

13. Пискунов С.А. Внутриобластное сельскохозяйственное переселение на Дальнем Востоке СССР (вторая половина 40-х — 80-е гг. XX в.): политика и практика / С.А. Пискунов. — EDN TJZZSX // Россия и АТР. — 2014. — № 3 (85). — С. 205–213.

14. Крушанова Л.А. Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940-х — 1970-е гг.) / Л.А. Крушанова. — Владивосток : Изд-во ИИАЭ ДВО РАН, 2014. — 268 с. — EDN TGVXHD.

15. История Дальнего Востока России / под общ. ред. В.Л. Ларина ; отв. ред. А.С. Ващук. — Владивосток : Изд-во ИИАЭ ДВО РАН, 2016. — Т. 3, кн. 5. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. — 940 с.

16. Гринько А.А. Советская действительность 1970-х — первой половины 1980-х гг. в письмах и обращениях жителей дальневосточного села / А.А. Гринько. — DOI 10.24412/1026-8804-2022-3-143-154. — EDN CBOSTC // Россия и АТР. — 2022. — № 3 (117). — С. 143–154.

17. Социально-экономический анализ уровня жизни населения Дальнего Востока : сб. науч. тр. / отв. ред. С.В. Югай. — Владивосток : Изд-во ДВО АН СССР, 1989. — 171 с.

18. Корякина Е.В. Проблема сельских кадров как ресурса модернизации (на примере юга Дальнего Востока в годы перестройки) / Е.В. Корякина, Е.Н. Тужилина. — EDN ZOFJUB // Вестник Брянского государственного университета. — 2017. — № 3 (33). — С. 61–69.

19. Кнабе Г.С. Булат Окуджава и три эпохи культуры XX века: проблема «мы» / Г.С. Кнабе // Дерево познания — дерево жизни. — Москва, 2006. — С. 671–695.

References

1. Krushanov A.I. (ed.). *The Peasantry of the Soviet Far East in the 19th–20th Centuries*. Vladivostok, Far Eastern University Publ., 1979. 380 p.

2. Krushanov A.I. (ed.). *The Socio-economic Development of the Far Eastern Countryside (the Soviet Period)*. Vladivostok, Dalnauka Publ., 1981. 100 p. EDN: OFYNEI.

3. Rybakovskii L.L. *The Population of the Far East for 150 Years*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 167 p.
4. Makarova L.V., Morozova G.F., Tarasova N.V. *Regional Features of Migration Processes in the USSR*. Moscow, Nauka Publ., 1986. 118 p.
5. Revaikin A.S., Ketova N.P., Pastukhova K.N. Problems of Forming a Permanent Population and Labor Potential in the Far East. In *Socio-Economic Problems of the Far Eastern Countryside*. Vladivostok, 1987, pp. 7–12. (In Russian).
6. Kalmyk V.A., Ryvkina R.V., Khakhulina L.A. [et al]; Zaslavskaya T.I., Kupriyanova Z.V. (eds). *Socio-Economic Development of the Siberian Countryside*. Novosibirsk, Nauka Sibirskoe otделение Publ., 1987. 447 p.
7. Gushchin N.Ya., Kalmyk V.A., Goryachenko E.E., Nikolaev A.A., Aleksandrov V.N. [et al.]; Gushchin N.Ya. (ed.). *Peasantry and Agriculture of Siberia. 1960–1980's*. Novosibirsk, Nauka Sibirskoe otделение Publ., 1991. 489 p. EDN: TMBGXD.
8. Krushanov A.I. (ed.). *The Peasantry of the Soviet Far East in the 19th–20th Centuries*. Essays on History. Vladivostok, Dalnauka Publ., 1991. 422 p. EDN: WGQTBV.
9. Borchaninova V.E. Social Structure of the Population of the Far East of Russia (60–80s). Vladivostok, Dalnauka Publ., 1992. 176 p. EDN: MEKFIM.
10. Vlasov S.A. *House Building in the Far East (1946–1991)*. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2008. 204 p. EDN: UNOPHP.
11. Vashchuk A.S. *Social Policy in the USSR and its Implementation in the Far East (Mid 40–80-ies of the XX Century)*. Vladivostok, Dalnauka Publ., 1998. 211 p. EDN: YNEVRT.
12. Koriakina E.V. *Social Development of Rural Areas in the South of the Far East in the Years of Perestroika (1985–1991)*. Cand. Diss. Khabarovsk, 2009. 213 p. EDN: QEGHVF.
13. Piskunov S.A. Intraregional Agricultural Resettlement in the Far East of the USSR (Late 1940s–1980s): Policy and Practice. *Rossiia i ATR = Russia and the Pacific*, 2014, no. 3, pp. 205–213. (In Russian). EDN: TJZZSX.
14. Krushanova L.A. *Migration Policy in the Far East of the USSR (Mid 1940s–1970s)*. Vladivostok, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014, 268 p. EDN: TGVXHD.
15. Larin V.L., Vashchuk A.S. (eds). *History of the Russian Far East. Society and Power in the Russian Far East in 1960–1991*. Vladivostok, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016. Vol. 3, bk. 5. 940 p.

16. Grinko A.A. Soviet Reality between the 1970s and the First Half of the 1980s in Letters and Appeals from the Village Residents of the Far East. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*, 2022, no. 3, pp. 143–154. (In Russian). EDN: CBOSTC. DOI: 10.24412/1026-8804-2022-3-143-154.

17. Yugai S.V. (ed.). *Социально-экономический анализ уровня жизни населения Дальнего Востока*. Vladivostok, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1989. 171 p.

18. Koryakina E.V., Tuzhilina E.N. The Problem of Rural Cadres as the Upgrading of the Resource Potential (for Example, the South of the Far East in the Years of Perestroika). *Vestnik bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bryansk State University Herald*, 2017, no. 3, pp. 61–69. (In Russian). EDN: ZOFJUB.

19. Knabe G.S. Bulat Okudzhava and Three Epochs of Twentieth-Century Culture: The Problem of “We”. In: *The Tree of Knowledge – The Tree of Life*. Moscow, 2006, pp. 671–695. (In Russian).

Информация об авторе

Гринько Андрей Александрович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Дальневосточный государственный аграрный университет, 675005, Российская Федерация, г. Благовещенск, ул. Политехническая, 86; e-mail: andrey2007-85@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-9690-421X>; SPIN-код: 4431-6857; AuthorID ПИНЦ: 700113.

Author

Andrey A. Grinko — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Humanities, Far Eastern State Agrarian University, 86 Politekhnikeskaya Str., Blagoveshchensk, 675005, the Russian Federation; e-mail: andrey2007-85@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-9690-421X>; SPIN Code: 4431-6857; AuthorID RSCI: 700113.

Для цитирования

Гринько А.А. Социально-экономические реалии повседневности амурской деревни эпохи «позднего» социализма (1970-е — сер. 1980-х гг.) / А.А. Гринько. — DOI 10.17150/2308-2488.2026.27(3).405-434. — EDN GCYZSL // Историко-экономические исследования. — 2026. — Т. 27, № 3. — С. 405–434.

For Citation

Grinko A.A. Socio-Economic Realities of Everyday Life in the Rural Areas of the Amur Region During the Era of "Late" Socialism (the 1970s – Mid-1980s). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2026, vol. 27, no. 3, pp. 405–434. (In Russian). EDN: GCYZSL. DOI: 10.17150/2308-2488.2026.27(3).405-434.